

Голосуя за гибрид

Владимир Путин находится у власти уже десять лет, а западные политологи никак не могут понять, что же за политическую систему он построил в России. Новейшие достижения кремленологии изучил обозреватель "Власти" Игорь Федюкин.

Российские лидеры выступают за создание инновационной экономики. Но если взглянуть со стороны, с инновациями в России и так все в порядке: например, по мнению американского политолога Грэма Робертсона, в России сложилась "новая парадигма авторитаризма XXI века, основанного на инновационных технологиях авторитарного контроля". С одной стороны, в стране проводятся выборы, существуют оппозиционные партии, в значительной мере сохраняются личные свободы и возможность вести самые острые политические дискуссии (пусть и не в центральных СМИ). С другой стороны, Россия очевидно не является ни "настоящей", ни даже "электоральной" или какой бы то ни было еще половинчатой демократией. Как примирить эти факты, не очень ясно.

Политическая и экономическая ситуация в России — и не только в России — долго описывалась как "движение": страна или осуществляла "переход" к демократии, или "сползала" к диктатуре. Авторы подборки статей, публикуемых в осеннем номере журнала *Slavic Review*, официального органа Американской ассоциации развития исследований в области славистики (AAASS), призывают, по сути, отказаться от модели движения и рассматривать российский режим как вполне состоявшуюся политическую систему.

Наиболее интересное и отчасти неожиданное исследование представлено в статье "Путинское голосование: президентский электорат при гибридном режиме" Тимоти Колтона из Гарварда и Генри Хейла из Университета имени Джорджа Вашингтона. Опираясь на данные серии опросов, проводившихся российскими социологами сразу после президентских выборов 1996, 2000, 2004 и 2008 годов и думских 2007 года (единственных парламентских выборов в новейшей истории России, когда действующий президент возглавлял один из партийных списков), авторы пытаются понять, почему россияне все 2000-е годы голосовали за Путина—Медведева. Популярность Путина часто объясняют свалившимся на Россию в годы его правления нефтяным благосостоянием: мол, Путину просто повезло.

Как показывают Колтон и Хейл, благоприятная экономическая ситуация действительно помогала Путину завоевывать голоса избирателей. В среднем россияне, считающие, что экономическое положение России в течение года, предшествующего выборам, существенно улучшалось, в полтора раза чаще голосовали за Ельцина, Путина и Медведева, чем те, кто видел негативные изменения в экономике. В частности, на выборах 2008 года "оптимисты" голосовали за Медведева на 53% чаще, чем "пессимисты". Естественно, рост количества граждан, полагающих, что экономика растет, шел на пользу только действующему президенту. У других кандидатов электоральное положение в этом случае не менялось.

При более внимательном рассмотрении, однако, история с экономикой оказывается более сложной. Во-первых, доля граждан, полагающих, что за предшествующие 12 месяцев экономическое положение России улучшалось, никогда не превышала трети от общего числа. Таким образом, хотя "оптимисты" и склонны были поддержать Путина—Медведева, они не были главной и единственной электоральной опорой действующего лидера. Во-вторых, когда речь заходит о личном благосостоянии граждан, оказывается, что в 2008 году лишь 26% избирателей считали, что их собственное экономическое положение улучшилось благодаря проводившейся в 2000-х экономической политике. Примерно столько же — 23% — заявили, что из-за этой политики они только потеряли.

Очевидно, что даже если все выигравшие или большая их часть поддержали в 2007-2008 годах Путина—Медведева, все равно большинство избирателей, отдавших голоса за кремлевского кандидата, не считали себя лично выигравшими экономически в 2000-х. А значит, традиционное представление о том, что нефтедоллары в 2000-х напрямую конвертировались в голоса избирателей, оказывается по меньшей мере небесспорным.

Отталкиваясь от этих фактов, Колтон и Хейл утверждают, что в значительной степени электоральный успех

Путина—Медведева объясняется не прямой "покупкой" голосов и не личными лидерскими качествами президентов (хотя эти качества тоже играли заметную роль в восприятии кандидатов избирателями), а способностью и готовностью лидеров апеллировать к значимым для избирателя ценностным категориям. Эти категории тоже оказываются довольно неожиданными: по словам авторов, они включают в себя ориентацию на рынок (в противоположность социализму) и предполагают вполне прозападную позицию.

В 2000 году избиратели, придерживавшиеся "правых" взглядов, на 49% чаще голосовали за Путина, чем радикальные "левые". Правда, в 2007 году этот показатель снизился до 35%, а в 2008-м — до 32%. Но на выборах 1996 года он и вовсе достигал только 25%, несмотря на то что кампания Ельцина была прямо построена на антикоммунистической риторике.

Когда вопрос задавался не о политической ориентации в целом, а именно об отношении к рыночным реформам, выяснялось, что избиратели-"рыночники" на 40% чаще, чем "социалисты", голосовали за Путина в 2000 году, на 7% — в 2004-м и на 30% — в 2007-м. Во время президентских выборов 2008 года этот показатель вырос до 37%. Лишь 1% избирателей, голосовавших все эти годы за Путина, полагал, что второй президент России собирается вернуться к социализму, тогда как от 79 до 87% считали, что он хочет продолжить и углубить рыночные реформы.

Точно так же граждане, полагающие, что Россия должна обращаться с Западом как с противником, в 2004 году голосовали за Путина на 15% реже, чем те, кто рассматривал Запад как друга. В случае с Медведевым этот показатель еще выше: антизападные избиратели голосовали за него на 23% реже. В 2004-2008 годах и среди россиян в целом, и среди голосовавших за Путина—Медведева менее полупроцента считали, что эти лидеры относятся к Западу как к врагу. Около 10% стабильно полагали, что они считают Запад другом, а с точки зрения подавляющего большинства (около 70%) Путин и Медведев воспринимали Запад в качестве союзника. Характерно, впрочем, что если в 2004 году только 5% ответили, что Кремль считает Запад соперником, то к 2008 доля таких избирателей выросла до 12%.

Все сказанное позволяет Колтону и Хейлу прийти к главному выводу: "Голосование на наиболее важных выборах в России во многих случаях соответствует модели голосования, существующей в демократических обществах". Авторы не отрицают, что электоральные результаты Путина—Медведева во многом объясняются благоприятной экономической ситуацией, прямыми фальсификациями и даже насилием. Не отрицают они и того, что, например, восприятие гражданами экономической ситуации в значительной степени формируется пропагандистской машиной государства. Тем не менее кандидат Кремля должен обладать не только эффективной машиной запугивания и манипуляций, но и способностью быть привлекательным для избирателей, в частности выглядеть в их глазах эффективным лидером и занимать приемлемую для них позицию по ключевым вопросам.

Если это так, то чем "гибридный", то есть сочетающий в себе черты и демократии, и авторитаризма, путинский режим принципиально отличается от любого другого политического режима? Размышлениям на эту тему посвящены другие статьи, помещенные в Slavic Review. Люк Марч из Эдинбургского университета, разбирающий историю "Справедливой России" в статье "Управление оппозицией при гибридном режиме: просто Россия и контролируемая оппозиция", подчеркивает, что Россия не является демократией, что российская политика "виртуальна", однако "виртуальная политика — это не то же самое, что отсутствие политики". Эсеры, как и созданное по той же модели "Правое дело", пишет исследователь, ничем не отличаются от "партий", созданных в 1989 году в Нигерии по приказу президента Сани Абачи, одна из которых должна была быть "немного левой", а другая — "немного правой". Тем не менее, напоминает Марч, нигерийские "виртуальные" партии обрели собственную жизнь, когда их стали использовать в своих интересах олигархи и этнические кланы. В дело вынуждена была вмешаться армия, арестовавшая победившего на выборах 1993 года кандидата "немного левой" партии. Точно так же, полагает Марч, собственную жизнь довольно быстро обрела и "Справедливая Россия" — настолько быстро, что Кремль вынужден был окоротить эсеров, слишком решительно вступивших в конкуренцию с единороссами.

Грэм Робертсон из Университета Северной Каролины подчеркивает в своей статье "Управление обществом: протест, гражданское общество и режим в путинской России" "виртуальный" характер движения "Наши": эта и подобные ей организации "целенаправленно задумываются, создаются, поддерживаются и при необходимости отодвигаются на задний план ключевыми фигурами правящего режима". Однако, в отличие от комсомола позднесоветских лет, "Наши" — это "эрзац-общественное движение". Комсомол не предполагал существования в обществе других молодежных организаций: членство в нем было едва ли не обязательным. "Наши" функционируют в конкурентной среде, соперничая за симпатии молодежи и с другими кремлевскими проектами, и с оппозиционными движениями.

В итоге Грэм Робертсон приходит к выводу, что Россия находится "на передовом рубеже современного авторитаризма". Если диктаторы прошлого столетия полагались на насилие, то многие авторитарные режимы XXI века пытаются притворяться демократиями. Они стараются не прибегать к откровенной цензуре и прямому ограничению политических свобод, используя вместо этого более изощренные приемы мобилизации масс.

Тимоти Колтон и Генри Хейл, со своей стороны, призывают отказаться от противопоставления "авторитаризма" и "демократии": в российском случае отдельные элементы этих двух моделей не просто сосуществуют, но, взятые вместе, складываются в какую-то третью модель — "гибридный режим". Другое дело, насколько устойчив этот гибрид. Авторы убедительно доказывают, что Россия не движется к демократии, но это, пожалуй, и так очевидно. Отсутствие движения к обычному авторитаризму очевидно в существенно меньшей степени.

Исследованные источники:

Timothy J. Colton, Henry E. Hale. The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime.— Slavic Review, 2009, vol. 68, N 3.

Luke March. Managing Opposition in a Hybrid Regime: Just Russia and Parastatal Opposition.— Slavic Review, 2009, vol. 68, N 3.

Graeme B. Robertson. Managing Society: Protest, Civil Society, and Regime in Putin`s Russia. — Slavic Review, 2009, vol. 68, N 3.

Автор: Артур Скальский © Коммерсантъ-Власть ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 3387 01.09.2009, 17:37 📌 355
URL: <https://babr24.com/?ADE=80616> Bytes: 10454 / 10447 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)